

Собинов в Ярославле

Зимой 1915 года на здании театра имени Волкова появилась афиша: «Леонид Витальевич Собинов». Только три слова, без всякого пояснения. Но этого оказалось достаточно. Толпа народа устремилась в театр за билетами. Собинов! Кумир Петербурга и Москвы, овеянный мировой славой, был уроженцем Ярославля. Здесь протекали его детство и юность. Потому он и был так близок и дорог ярославцам.

Многие хорошо знали и помнили Лено Собинова, высокого, стройного мальчика с обаятельно-милым лицом. Он жил на Срубной улице (ныне улица имени Собинова). Юноша часто простаивал около столба с театральными афишами. Они говорили о театре, а все, что касалось театра, волновало и тревожило его. Нередко можно было встретить его на Волге. Он часами просиживал на крутом берегу, глядя на медленно текущие воды реки, и мечтал о пении, о театре.

Леня пел вместе с другими гимназистами в церковном хоре. Огромная музыкальная одаренность нередко инстинктивно заставляла идти вразрез требованиям регента хора. И тот, досадуя, что Собинов неточно выполняет его требования, часто говорил:

«И когда я тебя научу петь по настоящему, тяни ноту». Но раз Собинов заменил в концерте заболевшего товарища. Красота и нежность его голоса удивили всех.

Закончив гимназию, Собинов поступает на юридический факультет Московского университета и блестяще его заканчивает. Адвокатура увлекает его. Но пение, которым молодой юрист начал серьезно заниматься во время пребывания в университете, — несравненно больше. Между тем о голосе Собинова, о неповторимом очаровании его тембра заговорили в Москве. В 1897 году ему был дан дебют в театре. Он пел партию Синодала в опере Рубинштейна «Демон». После этого дебюта пел был приглашен в Большой театр. С этого момента начинается его блестящая сценическая деятельность, открывшая новую замечательную страницу в области оперного искусства.

В день приезда Собинова в Ярославль просторный номер гостиницы Кокуева (ныне гостиница «Москва») с утра был переполнен. Повидаться с Собиновым пришли родные, друзья, товарищи по гимназии. Многие для того, чтобы встретиться с Собиновым, приехали из Ростова, Переславля, Данилова.

Собинов, как всегда, весел, оживлен, прост в обращении. Вместе с друзьями он вспоминает о былом. Часто слышались взрывы смеха. Но вдруг Собинов становится серьезен. Он рассказывает о своей первой поездке в Италию. Он пел в Милане, в театре Ласкаля, доступ в который был затруднен даже для выдающихся итальянских артистов, об иностранцах же и говорить нечего. Конечно, страшно было петь в театре, где выступали лучшие певцы мира: Рубини, Лаблаш, Мазини и другие. К тому же итальянская публика была несколько предубеждена против него, считая слухи о молодом певце преувеличенными. Но в первый же вечер Собинову удалось покорить требовательных, избалованных певцами миланцев. Собинов смеется, он вспомнил: швейцар театра Ласкаля, прослуживший всю жизнь в театре и как бы ставший его неотъемлемой принадлежностью, подбежал к Собинову, когда тот выходил, и взволнованно воскликнул: «Вы великий, великий артист». Эта искренняя, непосредственная похвала человека, слышавшего на своем веку множество певцов, очень пронула Собинова.

В дверь тихонько постучали. Вошел высокий старик в крестьянском платье. Собинов радушно его приветствовал и, усадив, начал с ним оживленно беседовать. Когда гость ушел, Собинов пояснил: «Это дядя Вася, он часто приезжал к нам из деревни, когда я был маленький. Узнав из афиш, что я здесь, он пришел со мной повидаться. Я очень любил его в детстве».

...Как обычно, театр не мог вместить всех желающих послушать Собинова. Для его концертов самый огромный зал был тесен. Множество людей бродило около театра, мечтая хоть краешком уха послушать концерт. В самом театре настроение у публики было приподнятое, взволнованное. Но вот занавес поднялся, и Собинов вышел на сцену. Его встретили восторженные аплодисменты. Собинов начал свой концерт арией князя из оперы Даргомыжского «Русалка»: «Невольно к этим грустным берегам меня влечет неведомая сила», обращая эти слова родному городу, и его голос, полный чарующей нежности, мечтательно-задумчивый по звуку, лился серебряной струей и,

казалось, проникал в самую душу человека.

В концертах Собинов пел без грима. Но от этого впечатление не уменьшалось. Созданные им в концертном исполнении художественные образы были доведены до такого совершенства, что слушатель не замечал, что они поданы без грима, костюма, вне обычной театральной обстановки.

Вот у Собинова каким-то особым блеском загораются глаза. Лицо кажется самодовольным, самоуверенным, чуть дерзким. Фигура полна изящества, изысканности, элегантно-сти. Это — герцог из оперы Верди «Риголетто». С исключительной легкостью и грацией поет Собинов знаменитую арию «Сердце красавицы склонно к измене».

Глаза Собинова меркнут, взор становится проникновенным, вдумчивым, особым благородством веет от всего облика. Это поэт-мечтатель Ленский, оторванный от прозы действительной жизни. Сквозь дымку романтических мечтаний взирает он на мир. Нежнейшее пианиссимо арии Ленского «Куда, куда, вы удалились» — наполняет зал.

Вдруг кажется, что фигура артиста как-то теряет свою юношескую гибкость и стройность. Лицо величаво спокойно, полно мудрости, всеобъемлющего знания. Это вечно старый, но с вечно юной душой царь Берендей из оперы Римского-Корсакова «Снегурочка». Мгновение — и опять перевоплощение. На сцене юношеско-красавец, он весь в любовном экстазе, в страстном порыве. Это — Ромео.

Так создавал своих героев Собинов, и созданные им художественные образы оставляли неизгладимое впечатление.

В этом концерте Собинов пел много романсов Чайковского. Особенное впечатление оставил романс Чайковского «Ни слова, о друг мой!» Слушатель видел маленький могильный холмик, скорбная фигура склонилась над ним. Печально шелестит поникшими ветвями плачущая ива. Тихим стоном звучат последние слова романса: «Ни слова, о друг мой, ни вздоха, мы будем с тобой молчаливы».

Концерт близится к концу. Сверх программы «на бис» Собинов спел много произведений, но публика все не может с ним расстаться. Теперь уже никто не сидит на месте, все стоит, многие столпились у рамп. Гасят огни. Но публика не расходится. И когда казалось, что нет никакой надежды на то, что Собинов выйдет, он появился. Буря восторгов пронеслась по театру. В полутемном зале великий певец спел романс Чайковского «Мы сидели с тобой». Бесконечная боль, сожаление о невысказанном в свое время признании прозвучали с исключительной силой.

В этот вечер многие, уходя домой, говорили: «Сегодняшний день прожит не даром, мы слышали Собинова».

В 1932 году Собинов вновь посетил Ярославль. В течение ряда лет он не был в родном городе. Сев в машину, он вместе со своим гимназическим товарищем поехал осматривать Ярославль. За время его отсутствия Ярославль сильно изменился. Там, где раньше была Полушкина роща, выросли мощные корпуса заводов. Собинов искренне радовался, что маленький город превращается в большой промышленный и культурный центр.

Вечером в театре состоялся концерт. Зал был переполнен. Собинов и на этот раз начал концерт арией князя. И если за прошедшие годы несколько потускнело серебро его голоса, то какое мастерство, какая филигранность отделки! Снова пел Собинов о чувстве вечной любви, о стремлении человека к счастью, и публика забывала, что артисту 60 лет. Такова была могущественная сила огромного дарования Леонида Витальевича. В этот вечер Собинов пел особенно много. Он как бы предчувствовал, что это его последний концерт в родном городе.

В 1934 году Собинов умер. С большим горем приняли ярославцы известие о кончине знаменитого земляка.

Пение Собинова являлось бесконечным источником наслаждений. Оно было лучезарно-прекрасным, вечно юным, Собинов не принадлежал к тем художникам, для которых родной стихией являлось царство ночи. Стихия Собинова — ясный солнечный день, его искусство проникнуто глубоким оптимизмом, жизнеутверждением.

Артистическое обаяние Собинова в том, что его пение было гимном радости жизни. И за этот источник радости, который дарил он человеку, люди отдавали ему свои сердца.

Е. КУРТЕНЕР.